

VOX REDACTORIS

DOI 10.15826/qr.2018.3.317

DIALOGUE: OBJECTIVES, BOUNDARIES, FORMS

The third issue of *Quaestio Rossica* for 2018 (№ 3), completes the series of articles based on the Paris Conference “Le deuxième grand voyage de Pierre le Grand en Europe (1716–1717)” (“The Second Great European Journey of Peter the Great (1716–1717)”), held on 19–21 June 2017 under the patronage of the University of Paris-Sorbonne, the German Historical Institute in Paris, and the Centre for Diplomatic Archives (Paris) and with the participation of the German Historical Institute in Moscow, the Franco-Russian Studies Centre (Moscow), and Ural Federal University (Yekaterinburg).

The first block of publications presented materials describing the details of the emperor’s second European journey through the eyes of its participants or witnesses of the royal travels to various countries in Europe (*Quaestio Rossica*, vol. 5, 2017, № 2). The second block, opening with a central article by *Emmanuel Le Roy Ladurie*, focused on the cultural consequences of the royal visit, namely the massive relocation of French and francophone specialists in various trades, sciences, and arts to Russia (*Quaestio Rossica*, vol. 6, 2018, № 1). The third block predominantly narrates how the journey and personality of the Russian monarch, Russia, and Russians in general was perceived by the sovereigns, diplomats, and residents of Central and Western Europe (*Problema Voluminis* section).

The emergence of Russia as an active player in the international arena was a shock for many Europeans. Several victories of the Russian armies in the eastern Baltic, the defeat of the Swedish army at Poltava, the deployment of Russian troops within East-Central Europe and in Pomerania, and the planning of Russian military operations in the western part of the Baltic Sea were important events that destroyed the fragile geopolitical balance created after the Utrecht Treaty (1713) and the following Rastatt and Baden treaties (1714).

How could the “Russian factor” be used in the complex system of bilateral and multilateral relations? What were the ultimate ambitions of Russia and how far did they stretch? Was the “Muscovite tsar” ready to settle for acquisitions in the eastern Baltic or was his claim of a more ambitious and dangerous nature for the European balance of power? All of these issues, having taken a prominent place in the minds of contemporary politicians and military men, were clearly actualised during the second great European journey of Peter I, undoubtedly becoming personified in him and his courtiers.

The Russian monarch needed to consolidate the position of Russia as a recognised, influential, and equal force among the other powers

of the Christian world to achieve diplomatic legitimisation of its conquests; it was also crucial to fit the country into the general context of existing European alliances (legal, political, and dynastic). Within his Western strategy during these years, Peter conceived a plan for a resourceful use of the 'second-rate' European states: he was planning to converge with them and build separate alliances of a regional scope. The tsar saw great opportunities in the north German principalities and cities. In their turn, some of the German principalities (Mecklenburg-Schwerin and Schleswig-Holstein) were ready to see in Russia the guarantor of their territorial integrity against the claims of the Danes, the Swedes, or the Prussians.

The German stage of Peter's journey (spring 1716) is the subject of the article by *Indravati Félicité* (University of Paris-Diderot, France). Based on unpublished materials from the archives of Lübeck and Schwerin, the article reveals the details of the meetings of the Russian sovereign and his wife, Catherine Alekseyevna, with members of the House of Mecklenburg and the magistrates of Danzig, Lübeck, and Hamburg. The author emphasises the role of the empress in establishing informal contacts with the principalities; she also shows the fluctuating attitude of Hanseatic patricians to the Russians. Among other things, the piece reveals the reaction of public opinion to the dynastic union between the ruling houses of Russia and Mecklenburg, concerns related to the strengthening of Russia's position among the Protestant principalities of the Holy Roman Empire, and the impact of this process on the position of English King George I.

Peter the Great's official foreign visit created many protocol, ceremonial, and confessional difficulties. Russia and its sovereign attracted interest; moreover, Russia's current military strength seemed to mitigate the traditional disdain for "barbaric Muscovy". On the other hand, it was not clear how to build a dialogue with the tsar, how to receive him, and what reactions to expect. These problems are revealed in a study of Peter I's contact with Papal ambassador Cornelio Bentivoglio by *Francine-Dominique Liechtenhan* (University of Paris-Sorbonne, France), based on documents from the Vatican archives. The Holy See had been traditionally interested in promoting the Catholic mission, supporting the Uniate Church, and seeing the resumption of Russia's participation in the anti-Turkish Holy League. Willing to take advantage of the visit of the Russian monarch to Paris, the Apostolic nuncio had to pick his words and actions carefully: he was not dealing with a Catholic sovereign but with a "schismatic" (from the perspective of the Vatican), whose status in the hierarchy of Western monarchs remained unclear.

The problem of "recognition" of Peter along the "ally/foe" axis was evident in the preparation and signing of the international treaty between France, Russia, and Prussia, which came to be known as the Amsterdam Treaty (1717). This process is scrutinised in the article by *Isabelle Nathan* (Archives of the Ministry of Foreign Affairs, Paris-La Courneuve, France). It is generally considered in the academic literature on the topic that the utility of the treaty was minimal, so the author focuses instead

on the symbolic meaning of the act. Studying its various aspects, the French researcher finds that the Amsterdam Treaty was an unprecedented document; its main meaning was in the ceremonial and legal placement of Russia in the hierarchy of European powers on the basis of the Treaty of Utrecht.

The article by *Thierry Sarmant* (University of Paris 1 Panthéon-Sorbonne, France) analyses Peter's visit to Paris in terms of a long historical perspective (from the late 14th to the early 20th centuries) on the visits of other European sovereigns. The author proves that while certain difficulties existed with determining the place of the Russian tsar in the hierarchy of Christian sovereigns, the French court was obliged to provide honours equivalent to those given to sovereigns of the first rank. To remove etiquette embarrassments and so as not to damage the French dynasty's honour, the protocol around Peter I's visit was semi-official. Attention should be paid to the author's conclusion that Peter I was the founder of a specific etiquette tradition, which later, in the 19th century, was repeated and continued by other monarchs.

The series of publications on Peter the Great's second great European journey concludes with article by *Franziska Schedewie* (Friedrich Schiller University, Jena, Germany), in which the author analyses reports of the Austrian resident Otto von Pleyer written from St Petersburg to Vienna between February 1716 and October 1717, during the absence of the tsar from the new capital. These documents are widely used by the specialists of the Petrine epoch, but the German historian is the first to cover the full range of his reports, including draft versions. The Austrian diplomat was extremely disapproving of the negative effects of Peter's reforms, pointing out extravagance in expense, indifference to individual lives, and the monstrous gap between luxury and poverty. Von Pleyer draws a disturbing picture of an atmosphere of expected social explosion, which was, in his opinion, visibly condensing during the absence of the monarch: he notes the confrontation between the Senate and Prince A. D. Menshikov, who became the real ruler of the capital, reinforcing a position that had been previously damaged due to corruption scandals in 1715.

All these articles are united by an important dimension: the influence of non-physical factors on the historical process. Protocol, ceremonial, and confessional problems, a network of informal connections, rumour and gossip, private opinions, and newspaper journalism may be nothing more than background noise compared to seemingly "serious" things, such as armaments or money. However, many studies published in recent decades show that titular formulas, individual will, or subjective judgements are quite capable of materialising and becoming factors in *Realpolitik*. The cultural phenomenon of "recognition" or exclusion, not necessarily based on the nature of economic development or the state of the armed forces, can force a sharp turn in inter-state relations and define a new perspective for the development of society.

Shifting the focus of research away from the question "How?" to the question "Why?" allows one to focus on finding the meaning of and the motiva-

tion for events and phenomena. Treating an individual as an actor in complex network interactions who produces, through such interactions, a certain sociocultural reality while also being subjected to it (in the spirit of Norbert Elias [Kozlovskiy; Elias; Šubrt]), the humanities aim to understand the language of those interactions, those “organised systems of significant symbols” without which, according to Clifford Geertz, “human behavior would be mostly unmanaged” [Geertz, p. 46].

These considerations form one of the central themes in the current issue of *Quaestio Rossica*, “Society – Personality – Power: Forms and Boundaries of Dialogue”, which continues the main theme discussed above in relation to the second great European journey of Peter I. Intercultural perceptions, personal experience, and the problems of individual and group identity through comparison/contrast between one’s own and the other/foreign (and how they are integrated into larger political processes) are at the center of the discussion. This collection of articles differs from those on Peter’s journey in terms of the character of the sources. The source base is more homogeneous and subjective: more than half of the articles are based on the diaries and notes of the main characters. Their value is not in the “objective reflection” of material existence, but in the demonstration of individual behaviour.

The value of these texts does not depend on the status of their creators or on cultural conditioning. Thus, on the one hand, one can talk about how Senator I. V. Lopukhin, one of the leaders of Russian Freemasonry during Catherine the Great’s reign who represented himself in his notes as a “Spiritual Knight”, encouraged the spiritual revival of society (including the very officials prosecuting him) through overcoming his own imperfections, as in the article by *Elena Prikazchikova* (Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia). On the other hand, there is Guards officer Vladimir Savonko, who left visceral, sometimes even grotesque, evaluations of his brigade commanders and descriptions of the relations among guards officers in diaries from the early 20th century: Savonko is the central figure in the study by *Aleksei Alekseev* (National Library of Russia, St Petersburg). There is also the renowned Russian historian Yury Gauthier, V. O. Klyuchevsky’s disciple, who found himself in the midst of a post-revolutionary catastrophe and total identity crisis; his diaries from 1918–1922 are analysed from the standpoint of the cognitive-discursive method by *Marina Pantykina* (Togliatti State University, Russia). Another article by *Serhy Yekelchyk* (University of Victoria, Canada) discusses lawyer Aleksei Goldenveizer, who, almost simultaneously with Yu. Gauthier, experienced the almost absurdly rapid change of political regimes in Kiev between 1917 and 1921, building up his own strategy of conscious resistance and identity preservation. This strategy, reflected in his diaries, is described by the researcher as “meta-historical skepticism”. All these diverse practices, woven simultaneously from purposeful choice and irrational action, create a unique picture of individual behaviours across time and space, allowing us to understand the organisation of public institutions and various social activities otherwise “stretched” across “wide spans of time-space” [Giddens, p. 16].

The dialogue between society and the authorities is connected with different themes, and the ability to hear each other and to interact successfully determines the completion of projects. At the turn of the 20th century, a major debate about the development of the Trans-Siberian railway was initiated. How the government sought to act in accordance with public opinion or contrary to it, and what constructive moves for Russia were overlooked, is revealed in the article by *Mikhail Agapov* (Tyumen University). The post-revolutionary reform of folk customs and holidays in accordance with the new ideological norms enforced by the authorities resulted in the appearance of so-called “red weddings”. Using new sources, *Farida Galieva* (Bashkir University, Ufa, Russia) studies how the Communist Party’s organs in the 1930s turned to the wedding ceremony in order to establish Soviet ideas about family and marriage. The author examines how this new practice was perceived by various social and age groups.

Yulia Rusina (Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia), on the basis of documents from the public trial of students of the Ural Polytechnic Institute accused of anti-Soviet behaviour and anti-communist talk, examines the attempt of the Soviet students to have a meaningful dialogue with the authorities following the historic 20th Congress of the Communist Party of the Soviet Union.

Researchers *Vladimir Gilmanov*, *Ivan Koptsev*, and *Leonid Maltsev* (Kaliningrad University) share their theoretical reflections by creating a philosophical dialogue between Thomas Mann and Fyodor Dostoyevsky. Examining essentialist problems, reflecting on the positions of the West and East, and juxtaposing rationalism and the feelings of the heart opens up additional facets of ideological meaning (*Conceptus et conceptio* section).

The *Disputatio* section offers two corresponding articles on Russian laws and their bureaucratic implementation in the outskirts of the empire. The first article, a theoretical one, presents the research of *Amiran Uru-shadze*, *Oleg Grom*, and *Natalia Dmitrieva* (Southern Federal University, Rostov-on-Don). The comparative aspect, ample use of archives, and solid historiography guarantee the attention of specialists to the article.

An article by *Alicja Gontarek* (Lublin University, Poland) resonates with the modern problems of Europe. Turning to Roma migration in Poland in the 19th century, the author, examining the peculiarities of mass consciousness, government policies, and journalism, reveals a callous anti-humanistic layer in the system of public decision-making and practices aimed at eliminating nomadic lifestyles.

In the *Hereditas: nomina et scholae* section, the authors *Liudmila Babenko* and *Yuri Kazarin* (Ural Federal University) offer an account of the academic life of Professor Era Vasilyevna Kuznetsova of Ural Federal University, a life spent on a restless scholarly quest. Her biography combines academic thoroughness and boldness of thought in the field of modern linguistics. The modern semantic school of Ural Federal University is the logical continuation of Kuznetsova’s organisational and academic activities.

The review by *Elena Proshkina* and *Igor Silantyev* (Institute of Philology of the SB RAS) (*Controversiae et recensiones* section) critically evaluates a literature studies ‘trilogy’ – three collections of articles focusing on the phenomenon of the *unfinished* in the literary process, a topic not well researched academically. The monographs published by Ural Federal University Press reveal contradictions in the phenomenon and its role as a catalyst for new possibilities in literature. Another review, by *Aleksei Antoshin* (Ural Federal University), discusses V. S. Khristoforov’s monograph on Afghan war. The value of this scholar’s research lies in the combination of various sources from the government, the party, and the military with the personal memories and memoirs of participants in those dramatic events. The author has a unique intonation, linking the experiences of an archivist, orientalist, and military intelligence agent with human emotion and compassion.

The final publication of the issue is a review by *Vitaly Tikhonov* (Institute of History of the RAS, Moscow) of H. Yilmaz’s book on the formation of national identity in the Stalin era. The author examines official historical narratives, showing the dynamics of the construction of history in terms of the concept of the “unified Soviet people”.

Dmitry Redin, Larisa Soboleva
(Ural Federal University)
Translated by *Anna Dergacheva*

В этом номере завершается публикация статей, написанных на основе докладов парижской конференции «Le deuxième grand voyage de Pierre le Grand en Europe (1716–1717)» («Второе большое европейское путешествие Петра Великого (1716–1717)»), состоявшейся 19–21 июня 2017 г. под эгидой Университета Париж-Сорбонна, Германского исторического института в Париже, Центра дипломатических архивов (Париж) при участии Германского исторического института в Москве, Центра франко-российских исследований (Москва) и Уральского федерального университета (Екатеринбург).

Первый блок объединил материалы, раскрывавшие детали второго европейского путешествия императора глазами его непосредственных участников и свидетелей царских перемещений по различным странам Европы (см.: *Quaestio Rossica*, т. 5, 2017, № 2), во втором, открывавшемся проблемной статьей Эммануэля Леруа Ладюри, повествовалось о культурных последствиях визита, как то о масштабных перемещениях на службу в Россию французских (и франкоговорящих) специалистов в разных областях ремесел, наук и искусств (см.: *Quaestio Rossica*, т. 6, 2018, № 1). Третий блок посвящен тому, как воспринимались путешествие и личность русского монарха, Россия и русские в целом суверенами, дипломатами, жителями государств Центральной и Западной Европы (рубрика *Problema voluminis*).

Факт появления России в качестве активного игрока на международной арене стал шоком для европейцев. Победы русского оружия в Восточной Прибалтике, разгром шведской армии под Полтавой, появление русских войск в пределах Центрально-Восточной Европы, в Померании, планирование Петербургом военных операций в западной части Балтийского моря стали событиями, разрушавшими хрупкий баланс в расстановке геополитических сил после подписания Утрехтского (1713) и связанных с ним Раштаттского и Баденского договоров (1714).

Чем могла стать Россия в менявшемся европейском пасьянсе? Как можно было использовать «русский фактор» в сложной системе двусторонних и многосторонних блоков? Каковы были конечные амбиции России и как далеко они простирались? Готов ли был «царь московитов» удовлетвориться приобретениями в Восточной Прибалтике, или его претензии носили более масштабный и опасный для европейского равновесия характер? Все эти вопросы, занявшие заметное место в умах политиков и военных, со всей очевидностью обострились во время второго зарубежного путешествия Петра и персонифицировались в нем и в его окружении.

Для русского монарха было необходимо закрепить положение России в качестве признанной, влиятельной и равноправной силы среди других держав христианского мира, добиться дипломатической легитимации российских завоеваний; также принципиально важным было вписаться в общий контекст европейских альянсов – юридических, политических, династических. В западной стратегии Петра в эти годы формируется план использования ресурсов европейских государств второго плана – сближение, выстраивание сепаратных союзов регионального масштаба. Большие возможности царь видел в северогерманских княжествах и городах. В свою очередь, некоторые из них (Мекленбург-Шверин, Шлезвиг-Гольштейн) были готовы видеть в России гаранта своей территориальной целостности от посягательств датчан, шведов или пруссаков.

«Германскому» этапу пребывания Петра I за границей (весна 1716 г.) посвящена статья *Индравати Фелисите* (Университет Париж-Дидро, Франция). Основанная на неопубликованных материалах из архивов Любека и Шверина, статья раскрывает детали встреч русского суверена и его супруги Екатерины Алексеевны с членами мекленбургского дома, магистратами Данцига, Любека, Гамбурга. Автор подчеркивает роль царицы в установлении неформальных контактов с княжескими домами, показывает переменчивое отношение ганзейского патрициата к русским. Крайне интересны сюжеты о реакции общественного мнения на династический союз правящих домов России и Мекленбурга, об опасениях, связанных с укреплением позиций России среди протестантских княжеств Священной Римской империи, о влиянии этого процесса на позицию английского короля Георга I.

Пребывание Петра I за границей порождало массу сложностей протокольного, церемониального, конфессионального характера. Россия и ее государь вызывали интерес; военная мощь вынуждала сдерживать традиционное пренебрежительное отношение к «варварской Московии». С другой стороны, было неясно, каким образом выстраивать диалог с царем, как его принимать, на какие реакции рассчитывать. Эти проблемы раскрываются в исследовании контактов с Петром папского посла Корнелио Бентивольо, о которых пишет *Франсина-Доминик Лиштенан* (Университет Париж-Сорбонна, Франция) на основе документов из архива Ватикана. Святой престол был традиционно заинтересован в продвижении католической миссии, в поддержке униатской церкви, а также в возобновлении участия России в антитурецкой Священной лиге. Желая воспользоваться пребыванием русского монарха в Париже, апостольский нунций, добываясь с ним аудиенции, должен был тщательным образом выверять свои слова и действия, ведь он имел дело с не католическим сувереном, «схизматиком» (с позиций Ватикана), чей статус в иерархии западных монархов оставался непроясненным.

Проблема «распознавания» Петра по схеме «свой/чужой» проявилась в подготовке и подписании международного договора между Францией, Россией и Пруссией, получившего известность как Амстердамский (1717). Этому посвящена статья *Изабель Натан* (Архивы Министерства иностранных дел, Париж – Ла Курнёв, Франция). В научной литературе принято считать, что практическая польза договора была минимальной, вследствие чего автор акцентирует внимание на символическом значении акта. Рассматривая его в разнообразных аспектах, французская исследовательница приходит к заключению, что Амстердамский договор стал беспрецедентным документом, его главное значение было в церемониальном и юридическом закреплении места России в системе иерархии европейских держав на основе Утрехтского договора.

В статье *Тьерри Сармана* (Университет Париж I Пантеон-Сорбонна, Франция) анализируется факт визита Петра I в Париж в контексте долгой исторической перспективы поездок других суверенных монархов Европы (с конца XIV до начала XX в.). Автор доказывает, что при сложности с определением места русского царя в иерархии христианских государей французский двор был вынужден оказывать ему почести, равнозначные почестям суверенов первого ранга. Чтобы снять этикетные неловкости и не уронить честь французского королевского дома, визит Петра I был протокольно обставлен как полуофициальный. Внимания заслуживает вывод автора, что Петр стал основателем определенной этикетной традиции, которую позже, в XIX в., воспроизводили другие монархи.

Завершает блок статья *Франциски Шедеви* (Университет им. Фридриха Шиллера, Йена, Германия), в которой автор анализирует донесения австрийского резидента Отто фон Плейера, написанные

из Петербурга в Вену во время отсутствия царя в новой столице (февраль 1716 – октябрь 1717). Эти документы активно используются специалистами по Петровской эпохе, но немецкий историк впервые привлекает весь круг его донесений, включая неизданные. Австрийский дипломат крайне неодобрительно отзывался о негативных сторонах реформ Петра, указывая на его расточительность, равнодушие к человеческим жизням и чудовищный разрыв между роскошью и бедностью. Фон Плейер рисует тревожную атмосферу ожидания социального взрыва, сгушавшуюся в столице в отсутствие государя, отмечая противостояние Сената и князя А. Д. Меншикова, ставшего реальным хозяином столицы и укрепившего свои позиции, пошатнувшиеся из-за коррупционных скандалов 1715 г.

Все представленные статьи объединяет важная проблема влияния нематериальных факторов на ход исторического процесса. Проблемы протокольного, церемониального, конфессионального характера, сеть неформальных связей, слухи и тревоги, частные мнения и газетная публицистика могут представляться не более чем фоном по сравнению с казалось бы серьезными вещами, такими как вооружение или деньги. В исследованиях последних десятилетий открывается, что титулярные формулы, индивидуальная воля или совокупность субъективных суждений вполне способны к материализации и превращению в факторы реальной политики. Феномен культурного «узнавания» или отторжения, не обязательно обусловленный характером экономического развития или состоянием вооруженных сил, может заложить крутой вираж в межгосударственных отношениях, определить новую перспективу развития общества.

Смещение фокуса исследовательского интереса с вопроса «как это было?» на вопрос «почему это было?» позволяет сосредоточиться на поиске смысла и мотивации событий и явлений. Рассматривая человека как актора сложных сетевых взаимодействий с себе подобными, формирующего через интеракции социокультурную реальность и одновременно подчиняющегося ей в духе Норберта Элиаса [Козловский; Элиас; Шуберт], гуманитарные науки призваны к пониманию языка этих взаимодействий, этих «организованных систем значимых символов», без которых, по убеждению Клиффорда Гирца, «поведение человека стало бы в основном неуправляемым» [Geertz, p. 46]. Эти соображения сформировали в текущем номере журнала тему *Общество – личность – власть: проблемы диалога*, продолжающую основную проблему, рассмотренную выше на материалах второго европейского путешествия Петра I. В центре внимания – вопросы межкультурного восприятия, личного опыта, интегрированного в большие политические процессы, проблемы индивидуальной и групповой идентификации через сравнение/противопоставление своего и другого/чужого. Отличает же статьи этой группы от «петровских» характер источниковой базы. Она однородней и субъективней: большая часть этих статей основана на дневниках и записках главных героев,

ценность которых не в «объективном отражении» материальных оснований бытия, а в демонстрации поведения индивидов.

Ценность текстов не зависит от статуса их создателей или культурной принадлежности. Идет ли речь о сенаторе И. В. Лопухине, одном из лидеров русского масонства екатерининского царствования, формулировавшего в своих записках образ «духовного рыцаря», побуждающего через преодоление собственного несовершенства к духовному возрождению общества, в том числе преследующие власти, как в статье *Елены Приказчиковой* (Уральский федеральный университет, Екатеринбург), или о гвардейском офицере-артиллеристе Владимире Савонько, оставившем в своих дневниках начала XX в. яркие, порой язвительные до гротеска оценки командиров своей бригады и отношений в среде гвардейского офицерства, ставшего главным персонажем исследования *Алексея Алексева* (Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург), или о известном русском историке, ученике В. О. Ключевского Юрии Готье, оказавшемся в ситуации послереволюционной катастрофы и полного кризиса идентичности (его дневники 1918–1922 гг. с позиций когнитивно-дискурсивного метода анализирует *Марина Пантыкина*, Тольяттинский государственный университет), или об адвокате Алексее Гольденвейзере, практически одновременно с Ю. В. Готье переживавшем злоеющие абсурдные смены политических режимов в Киеве в 1917–1921 гг. и выстраивавшем собственную стратегию сознательного сопротивления и сохранения идентичности, отраженную в дневниках и охарактеризованную *Сергеем Екельчиком* (Университет Виктории, Канада) как концепцию «метаисторического скептицизма» – все эти разнообразные практики, сотканые из целенаправленного выбора и нерациональных действий, создают уникальную картину поведения индивидов во времени и пространстве, определяют их жизненные траектории, позволяющие нам понять устройство общественных институтов и различные формы социальной деятельности, «растянутые в широком пространственно-временном диапазоне» [Гидденс, с. 16].

Диалог общества и власти осуществляется в связи с различными темами, способность услышать и взаимодействовать определяет успешность проектов времени. На переломе XIX и XX вв. разгорелась большая дискуссия о развитии Транссибирской магистрали. Каким образом правительство в согласии с общественным мнением или вопреки ему пыталось отстоять свои интересы и какие конструктивные ходы для России оказались упущены, показано в статье *Михаила Аганова* (Тюменский университет). Реформирование народных обычаев и праздников в соответствии с новыми идеологическими установками власти привело к появлению так называемых «красных» свадеб. С использованием новых источников *Фарида Галиева* (Уфимский федеральный исследовательский центр РАН) показывает, как партийные органы в 1930-е гг. обратились к форме свадебного обычая, чтобы в привычных рамках жанра утвердить советские представления

о семье и браке, и как это воспринималось разными социовозрастными группами.

Попытку советского студенчества прибегнуть к диалогу с партийными органами после исторического XX съезда партии рассматривает *Юлия Русина* (Уральский федеральный университет, Екатеринбург) на основе документов общественного суда над студентами Уральского политехнического института, обвиненными в антисоветском поведении и не соответствующих линии партии разговорах.

Теоретическими размышлениями делятся исследователи *Владимир Гильманов*, *Иван Копцев*, *Леонид Мальцев* (Калининградский университет). Философский диалог Томаса Манна и Федора Достоевского по эссенциальной проблематике, отражающий позиции Запада и Востока, сопоставление рационализма и сердечного чувства, несмотря на популярность этой темы при обращении к данному аспекту, открывает дополнительные грани идейного смысла их произведений (раздел *Conceptus et conceptio*).

В разделе *Disputatio* публикуются две взаимосвязанные статьи о соотношении российских законов и практики управления государством на окраинах империи. В первой, теоретической, презентуются разработки исследователей *Амираана Урушадзе*, *Олега Грома*, *Натальи Дмитриевой* (Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону). Компаративистский аспект, обращение к архивам и солидная историография гарантируют внимание специалистов. Вопросы, затронутые в статье *Алиции Гонтарек* (Люблинский университет, Польша), перекликаются с проблемами современной Европы. Возвращаясь к цыганской миграции в Польше XIX в., автор на основе особенностей массового сознания, правительственной политики, газетной публицистики выявляет антигуманный каркас в системе общественных решений и практик, направленных на искоренение кочевого образа жизни народа.

В разделе *Hereditas: nomina et scholae* *Людмила Бабенко* и *Юрий Казарин* (Уральский федеральный университет) повествуют о наполненной напряженным научным поиском жизни профессора Уральского университета Эры Васильевны Кузнецовой. В ее биографии соединились научная основательность и дерзость мысли в сфере лингвистики. Современная лингвистическая семантическая школа Уральского университета – логичное продолжение ее организаторской и научной деятельности.

В обзоре *Елены Проскуриной* и *Игоря Силантьева* (Институт филологии СО РАН) (раздел *Controversiae et recensione*) критически оценивается своего рода литературоведческая трилогия – сборники статей, посвященные феномену незавершенного в литературном процессе. Тема в науке мало разработана, в монографиях, выпущенных Издательством Уральского университета, раскрываются противоречия в оценках феномена и его роль катализатора новых возможностей литературы. В рецензии *Алексея Антошина* (Уральский федеральный

университет) разносторонне в контексте современного исторического подхода раскрывается содержание монографии В. С. Христофорова об Афганской войне. Ценность исследования – в сопряжении разнообразных источников из государственных, партийных, военных структур с личными воспоминаниями и мемуарами участников тех драматических событий. Автор находит свою неповторимую интонацию, соединяющую опыт историка-архивиста, востоковеда и разведчика с человеческими эмоциями и милосердием.

Завершает журнал рецензия *Виталия Тихонова* (Институт российской истории РАН, Москва) на книгу Х. Йылмаза о формировании национальной идентичности в сталинский период. Автор обращается к официальной истории, показывая динамику в конструировании истории в зависимости от концепта «единого советского народа».

Дмитрий Редин, Лариса Соболева
(Уральский федеральный университет)
Перевод – Анна Дергачева

Список литературы

- Гидденс Э.* Устройство общества : Очерк теории структуризации. М. : Академ. проект, 2005. 528 с.
- Козловский В. В.* Фигуративная социология Норберта Элиаса // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. № 3. С. 40–66.
- Шуберт И.* Общество индивидов в фигуративной социологии Н. Элиаса // Социол. исслед. 2015. № 11. С. 139–148.
- Элиас Н.* О процессе цивилизации: социогенетические и психогенетические исследования : в 2 т. М. ; СПб. : Университет. книга, 2001. Т. 1. 336 с. Т. 2. 378 с.
- Geertz C.* The Interpretation of Culture : Selected Essays. N. Y. : Basic Books, 1973. 470 p.

References

- Elias, N. (2001). *O protsesse tsivilizatsii: sotsiogeneticheskie i psikhogeneticheskie issledovaniya v 2 t.* [On the Process of Civilization: Sociogenetic and Psychogenetic Studies. 2 Vols.]. Moscow, St Petersburg, Universitetskaya kniga. Vol. 1. 336 p. Vol. 2. 378 p.
- Geertz, C. (1973). *The Interpretation of Culture : Selected Essays.* N. Y., Basic Books. 470 p.
- Giddens, A. (2005). *Ustroenie obshchestva : Ocherk teorii strukturatsii* [The Constitution of Society. An Outline of the Theory of Structuration]. Moscow, Akademicheskii proekt. 528 p.
- Kozlovskii, V. V. (2000). Figurativnaya sotsiologiya Norberta Eliasa [The Figurative Sociology of Norbert Elias]. In *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii.* No. 3, pp. 40–66.
- Shubert, I. (2015). Obshchestvo individov v figurativnoi sotsiologii N. Eliasa [Society of Individuals in Figurative Sociology of N. Elias]. In *Sotsiologicheskie issledovaniya.* No. 11, pp. 139–148.